

Осенью сорок первого года на котласском вокзале появился скромно одетый молодой человек с холщовой котомкой за плечами. Среди остальных людей он ничем не выделялся. Разве что, может быть, тем, что с любопытством, больше подходящим на испуг, озирался по сторонам, поеживаясь при этом от пробирающего до костей холода. Согреться бы! Подошел к одному из многочисленных, разоженных поблизости костров. Люди, стоящие вокруг пламени, кажется, это были поляки-спецпереселенцы, понятиливо пододвинулись, уступая место незнакомцу. А он протянул озябшие руки навстречу огню...

Первые впечатления у будущего поэта Николая Тряпкина о Севере до сих пор связаны с этим вот спасительным теплом. Суровый край, суровое время, как ни странно, пробудили в москвиче потребность к стихотворчеству.

Фото Владимира ГАГАРСКОГО.

«Гулял по Северной Двине»

Поэт Николай Тряпкин на Севере

«Коренной русский быт, коренное русское слово, коренные русские люди. Я сразу почувствовал, что могу на что-то рассчитывать. У меня впервые открылись глаза на Россию и на русскую поэзию, ибо увидел я все каким-то особым, «нутряным» зрением», — написал он в конце восьмидесятых годов, вспоминая то время.

...Где-то далеко шла война. А он, молодой и симпатичный, двадцати трех лет от роду, получалось, «отсиживался» в глубоком тылу. Но комиссованные парня врачи поступили, как требовала от них инструкция. С таким, как у Тряпкина, занятием нечего было делать на фронте, посчитали они. Может быть, их решение и соохранило для российской словесности Тряпкина-поэта, которого как-то сразу и безоговорочно — и читатели, и литературоведы — признали

правопреемником другого русского «песнослава» — Николая Клюева. Впрочем, на все потребовалось время. А тогда, давно, очутился Николай Иванович в Сольвычегодске. Там определили его в колхозные счетоводы. Между делом «пописывал». В «маленькой северной деревнюшке... началась моя творческая биография». Среди этих «деревнюшек» была и Коряжма или, как певуче-ласкательно окрестил ее поэт, — Коряжема. Однако стихотворение с таким названием появилось в шестидесятом и, пожалуй, впервые опубликовано в газете «Социалистический Север» («Двинская правда»), которая первой напечатала его стихи. Те, что он, набравшись смелости, в сорок пятом показал живому классику Павлу Григорьевичу Антокольскому, и тот назвал его настоящим поэтом и благословил на литературный труд.

Наверное, были среди показанных тогда работ стихотворения «Снег» («А в нашей деревне по этой поре хозяйки треплют кудель во дворе») или «Подражание песне» («Нам ли, девушкам, вечерушка была: кто взыала, кто гадала, кто прядла...»), не у нас ли написанные в сорок втором году? Много позже Тряпкин неоднократно мысленно возвращался в наши места. «Хорошо, когда забродит холод, поскучать у печки при огне. Вот сижу. А был когда-то молод и гулял по Северной Двине» — это в 1960-м появилось. «Рассказ про одну посеvную» (1971 г.) в точности отображает второй год войны: «Солнце жарит. Время сева. Значит, радость и подъем. А война уже под Ржевом, и в полях уже назем. Снарядили мы под семя три осьмины ячменя! Пусть в деревне в это время ни коровы, ни кояя». О том, как

таскал поэт плуг, а за плугом шел плешивый дедок — «самый лучший комсомолец». «И прошу вас — не дивитесь, не припомню лучших дней!» — уверял автор.

Лучшими днями для Тряпкина действительно были дни и годы, проведенные на Севере. Это как бы задел на всю его последующую жизнь. Не случайно же во всех своих книжках он обращается к нему и вспоминает, как сплавляли в Коряжме древесину («А мы тут лес грузили на подмогу»), и хозяйку дома — бабушку Агнию, которая «крутила прядку на своей печи, как истая полночица Россия», и «скрип деревьев над Вычегдой-рекою»...

Недавно Николай Тряпкин ушел из жизни. А коряжемский бард Алексей Дмитриевич Титов написал музыку к стихотворению Н. И. Тряпкина «Коряжема». По-моему, получилось неплохо...

Владимир НОГОВИЦЫН.

